

Герои середины 20-го века

(«Иркутская история» — спектакль Большого
драматического театра имени М. Горького)

Действие пьесы А. Арбузова не имеет точной даты, время здесь обозначено вельячо — середина 20-го века. В пьесе не так уж много говорится о строительстве мощной гидроэлектростанции на Ангаре, гораздо больше здесь говорят о любви. И все же именно временем и делами людей, ощущением захватывающей близости коммунистического завтра определены весь нравственный строй пьесы, размышления о жизни, о человеке. Театр уловил романтическую взволнованность авторской речи, уловил в необычной форме пьесы преломление характерного для самой нашей жизни сочетания величия и простоты. Объединенные усилия автора, режиссуры (постановщик Г. Товстоногов, режиссер Р. Сиrotа), художника С. Мацделя, композитора М. Табачникова и актеров создали ярко-театральный спектакль, в котором условность постановочных решений одухотворена глубокой внутренней жизнью героев, освещена мыслью.

...Мы знакомимся с ними в минуту раздумья. Они разместились на сцене свободно: мужчины — в светлых спортивных типа костюмах, женщины — в платьях нежных тонов. Это — хор, участники всех событий пьесы. Над ним на возвышении — рояль, за которым угадываются торжественные очертания органа. Потом вперед выступают трое — те, чья жизнь пройдет перед нами. Из хора выйдут и другие — те, кто тоже участвует в этой истории. Они будут снова возвращаться туда, на ступени, вместе со всеми думать, радоваться, горевать, как бы связывая воедино зал и сцену, превращая самих зрителей в один огромный хор.

Так сочетаются в спектакле возвышенное и обыденное, рояль и комбинезон рабочего-строителя. Но рояль и орган недаром как бы вынесены режиссером над действием: сами герои ни в едином слове или жесте не позволяют себе торжественности и многозначительности.

Естественная простота отличает прежде всего Сергея Серегина в исполнении И. Смоктуновского. Так прост может быть только цельный и чистый человек, рядом с которым невозможно притворяться, жить мелко: самым строем своей души он невольно обязывает того, кто рядом, быть таким же. Этот парень, машиналист на шагающем экскаваторе, прекрасен в своей любви, и, видя его таким, нельзя не верить, что он «жил, как человек, работал, как коммунист, и умер, как герой».

Видимо, можно было бы сыграть его иначе: более мажорно, звонко — этих качеств несколько не хватает Смоктуновскому. Его герой внешне небросок, постоянно погружен в себя. Порой кажется, что ему недостает молодости, радости познания жизни. Но есть у Сергея — Смоктуновского поэтичность, отличающая людей нового, коммунистического склада, с которым неразрывна красота.

История о том, как, подлюбя, человек распрямляется, словно венок на свету, — это история Вальки и Виктора.

Жила на свете касирша из промага, к которой уже успело прилипнуть прозвище «Валька-дешевка». И тот у нее заливчатый, небрежно-вызывающий, и словечки она произносит с особым шиком — «свойская» девчонка, веселая, разбитная. Такой повстречалась она с Сергеем. И жизнь ее круто переломилась.

Т. Доронина играет Вальку верно. Молодой актрисе иногда не хватает зрелости, тонкости мастерства. Но в ее исполнении есть главное: путь Вальки, становление характера.

Необычайно посерьезневшая, сидит она с Сергеем на скамейке в садике возле кино. Здесь впервые открывает актриса душевную неустроенность Вальки, которую она прячет за напускной дерзостью, ее тоску по человеческому вниманию и уважению. Как потом горько ей, разведенной, уже в чем-то новой Вальке,

столкнуться с привычной, уваренной грубоватостью Виктора, даже и не заметившего перемены в ней. Валька еще бравирует. Отчаянно ставя на карту судьбу своих откошенных с Виктором и Сергеем, она отрывисто посвящается, словно говоря: это все пустяк, шуточка...

Потом, почти год спустя, впервые поспорившись с Сергеем, любимым мужем и отцом ее малышек, наговорив ему пошлостей, она опять попробует засвистеть, как прежде. Но свиста не получится, потому что нет уже прежней Вальки. Он прозвучит еще раз, этот свист, коротко и недолго, когда Валя мучительно будет искать ответа, как ей жить дальше после гибели Сергея, зачем жить.

Глубоко драматична в исполнении Дорониной ночная сцена, когда в ушах Вали, как воспоминание, раздаются слова Сергея. В этот раз срывающей сердце болью воскресла в ее памяти только нежность и забота любимого, она еще не слышит его призыва к жизни. Может быть, так и затерялся бы в ее сознании этот призыв, если бы не Виктор, тоже как бы заново рожденный любовью человек.

В пьесе роль Виктора сложна. О нем говорят: «Пижон, красавчик». С Валькой он поначалу кажется всего только душевнопримитивным парнем. В конце пьесы он по праву — наследник Сергея в работе и в жизни. Что же случилось? Был плохим, стал хорошим? Это было бы слишком прямолинейно и просто. Драматизм крупного и страстного характера, искренне и темпераментно сыгранного П. Луспекаевым, — в его углублении и очищении в пути, продаваемом через нравственные испытания. Как и у Вальки, постепенно слетает с него вся шелуха, уступая место простоте настоящего.

Да, этот спектакль — поэма о любви, ее могучей силе, но в еще большей степени — это поэма о человеке, идущем из сегодня в завтрашний день, человеке, который стремится, чтобы его любовь и он сам были не мельче его дел, были наравне с веком.

...Сжимая в кулаке свою первую получку рабочей на шагающем, неся в сердце память о Сергее и благодарность Виктору, убегает счастливая, с заплаканными глазами Валя.

Опускается занавес, зрители встают, аплодируя, и у многих в зале тоже заплаканные и счастливые лица. Счастливые потому, что спектакль духовно обогатил людей, он заставил их вместе с героями пьесы пережить и пережить радость победы, сообщил поэтическое понимание красоты жизни и человека нашего современника.

А недостатки? Разве их нет ни в пьесе, ни в спектакле? Есть и здесь и там, где — общее, где — только свои. Так, стоит на сцене ослабеть в начале внутренней жизни героя, поблекнуть ее правде — вынуждает обнаруживать и выходить на первый план условность театральной формы, заложенная еще в драматургии. Театр избегал, сентиментальности, присущей отдельным моментам пьесы, но зато не везде уберется от красноречия, такой неуживчивой с подлинной красотой, которой богат спектакль.

Какой-то ложной значительностью веет от процедуры облачения Вали с помощью хора в подвенечную фату: за блеском зеркал мы не успеваем разглядеть выражение лица Вали, а ведь это, право, важнее. И еще: тщательно прорисован фигура первого плавца, режиссер, думается, недостаточно внимания обратил на законченность и достоверность таких характеров, как подсобный на шагающем Лапченко (О. Басилашвили), его подруга — монтер Нюра (М. Алашевская). Не будем говорить стандартной фразы, что эти недостатки не умаляют достоинства главного. Все-таки умаляют. Но главное торжествует — радостная, окрыленная мысль о том, что коммунизм сегодня прорастает повсеместно — в сердцах людей.

Т. МАРЧЕНКО